

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **НАША ЖИЗНЬ**

Пути Господни

Рома был баптистом. Уже... месяца три. Он горел верой и желал проповедовать всем окружающим. Особенно его душа болела за неправильно верующих во Христа. Вот, например, православные... Ни дать ни взять – идолопоклонники. Поклоняются там каким-то иконам, молятся святым. Ну, понятно, может, был человек очень хорошим, так что, молиться ему, что ли? Написано же: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Рома искренне хотел убедить всех. Он мечтал прийти в православный храм и при всех обличить священника, да так, чтобы все покаялись в своем грехе и оставили свое душевредное учение.

Рома готовился, подбирал цитаты поухватистее, чтобы сразить наповал батюшку. Он уже и храмик присмотрел – приятную белую церквушку с золотыми куполами в парке. Тем более что она, вроде бы, была посвящена апостолам Петру и Павлу. Где еще, как не там, следовало обличать и проповедовать? Наконец он решился.

Конечно же, Роман наш робел. Все-таки он был еще довольно молод для таких публичных выступлений – всего-то 19 лет, да и вообще он был человеком застенчивым. Но он всё продумал. Придет на службу в самом начале, чтобы освоиться. Рома решил, что не очень-то хорошо прерывать молитву: как бы то ни было, всё же люди Христу молятся. Поэтому он дождетя, когда священник начнет проповедовать, и тогда уж обличит его, как когда-то пророк Илия обличал нечестивых правителей. В его баптистской общине собрания длились где-то час-полтора, и он настроился, что в хра-

ме ему нужно будет ожидать примерно такое же время. Да и потом, ему все-таки было любопытно поприсутствовать на православной службе, где он ни разу не был.

И вот в один из воскресных дней наш герой, преисполненный самых решительных намерений, отправился в храм.

В храме, куда направил свои стопы Рома, настоятельствовал отец Павел. Ему было уже за 60, рукоположен он был в начале 1990-х годов, когда была катастрофическая нужда в духовенстве. Заочно окончил семинарию и служил в простоте сердца, стараясь, как мог. Отец Павел не был великим богословом, зато был изрядным молитвенником. Служить любил и служил часто.

Обычно отец Павел начинал службу в воскресенье в 8 часов утра с утрени, как принято в некоторых монастырях. К восьми в храм пришел и Рома. Несмело он переступил церковный порог. Рома решил встать пока что сзади. Как-то стыдливо, конечно же не крестясь, он шмыгнул в боковой неф и там стал не спеша осматриваться. Прихожане уже в основном собрались. Было много бабушек, но и немало людей среднего возраста и молодежи.

«Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во веки веков», – раздался возглас священника. «Аминь», – отвечал псаломщик и начал не торопясь чтение. Рома поймал себя на том, что многое понимает из читаемого, хотя прежде думал, что в церкви всё непонятно.

Служба шла своим чередом. То вступал хор, то давал возгласы священник. Через несколько минут погасили свет по всему храму, только у чтеца посреди церкви была в руках свеча. В

полной тишине и полумраке он читал псалмы. В этом было что-то... не от мира сего. Рома аж почувствовал мурашки на коже – так его поразило это одинокое чтение в безмолвной многолюдной церкви. Это молитвенное безмолвие было практически осязаемым. На собраниях в своей общине, где часто звучала музыка, он никогда не ощущал такой мистической тишины.

Через некоторое время зажегся свет во всем храме, и благообразный старец – наш отец Павел – в сопровождении пономарей вышел на середину храма совершать полиелей. Вынесли Евангелие. Читался фрагмент из Иоанна – явление Христа при Тивериадском море. Рома узнал. Это был один из его любимых отрывков.

Спустя еще несколько минут люди цепочкой потянулись к центральному аналою с воскресной иконой, где их помазывал елеем отец Павел. Рома остался на своем месте. Началось пение канона. Потом запели славословие. Утреня закончилась. Было начало десятого утра.

Всю службу Рома смотрел на прихожан. Некоторые были рассеянны, другие, наоборот, внимательны и одухотворены. Когда началось чтение часов, Рома подумал, что это уже окончание богослужения, потому что торжественное пение прекратилось и священник не выходил из алтаря. Рома слегка заволновался, думая, что пришло время проповеди. Так продолжалось часов до десяти. Вдруг появился священник, обошел храм, совершая каждение, и снова скрылся в алтаре. Прошла минута, другая. И вдруг раздался новый возглас: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков». Хор дружно отвечал: «Аминь». Началась Литургия.

Литургия даже понравилась Роману своей музыкальной гармоничностью и красотой. Однако ближе к 11 часам он уже начал скучать и ерзать. Служба у этих православных затягивалась необыкновенно. С трудом он дождался запричастной паузы. Как он понял, это был своеобразный перерыв, поэтому пошел искать место на скамейке. Ему повезло, и он с наслаждением вытянул затекшие ноги. Так прошло минут десять, и началось Причащение.

Обедня закончилась в 11:30. Роман снова оживился, но отец Павел вышел на амвон и объявил, что кто торопится, может подойти к кресту, и дал возглас к началу молебна. Роман

тяжело вздохнул. Такого поворота событий он не ожидал. Это было уже невыносимо. Просто наглость какая-то. «А проповедь где?» – думал он, с тоской глядя на немногих «торопящихся». В основном это были молодые люди с маленькими детками. «И как же, они уйдут без поучения?» И они действительно уходили, но по ним нельзя было сказать, что они чего-то лишены. Их лица выражали полное удовлетворение. Видно было, что они уже получили, что хотели, а остальное было, вероятно, делом вторичным.

Между тем служба продолжалась. Батюшка попеременно с хором славил Бога, Божию Матерь и святых. Потом начался акафист. Слушая бесконечную череду призывов «радоваться», Рома подумал, что больше уже не выдержит этой православной службы. На него напало страшное уныние. Он смотрел на часы. Было начало первого. Рома перебирал в памяти все свои знания о Православии, пытаясь из этого сумбура вытянуть информацию, когда же заканчиваются службы у этих «братьев» по вере. «Свечи, всенощная, иконы, идолопоклонники, фарисеи, саддукеи...» – Рома почувствовал страшную усталость и злость на себя. «Вот дурак! – думал он. – Зачем я пришел к началу службы?»

Тем временем молебен с водосвятием подходил к концу. Отец Павел взял кропило и крестообразно покропил на четыре стороны. Рома ощутил, как святая вода коснулась его разгоряченного лица. Черный тупой ком усталости в голове как будто немного рассеялся. Рома взбодрился и заметил, что батюшка вышел на амвон, завершая молебен. Очередное молитвенное чинопоследование закончилось – это было ясно. Но Рома боялся радоваться: он уже достаточно часов провел в православном храме и понял, что лучше не спешить с выводами. И он оказался прав: впереди была еще панихида.

...Панихида закончилась в начале второго. Роман сидел на лавке около выхода из храма. На него жалко было смотреть. За эти пять с лишним часов он осунулся и как будто похудел. Он смотрел на окружающих его богомольцев немного осоловевшим взглядом. Как они выдерживают всё это каждое воскресенье? Где-то он слышал, что самые длинные службы у православных бывают в пост перед Пасхой. До Пасхи вроде далеко. Неужели бывают службы еще длиннее, чем сегодня? Если сего-

дня тут молитва идет пять часов, то сколько тогда перед Пасхой?!

Ему подумалось, что если так и нужно молиться, то что же тогда у них в общине? Пародия? Карикатура? И если молитва православных так сильно отличается от молитв его братьев по вере, то, возможно, также резко отличается и всё остальное? Может быть, и духовная жизнь в баптизме – тоже карикатура на настоящую духовную жизнь? Впервые он подумал о Православии без раздражения и возношения – усталость здорово смирила его.

Отец Павел вышел на амвон. Он пожелал сказать поучение только теперь. Однако у Ромы не было уже ни сил, ни желания перебивать его и обличать.

– С праздником, дорогие братья и сестры, – начал священник. – Молитва – главное дело христианина. От молитвы просвещается и сердце, и ум человека.

Батюшка говорил еще что-то – о любви, исполнении заповедей, милосердии, кротости, воздержании. Все слова были простые и правильные, и Роман чувствовал, что ему нечего возразить на них. Всё было истинно, всё было

по Евангелию. Рома всматривался в лица прихожан и удивлялся: многие из них совершенно не выглядели уставшими. Даже наоборот: у многих были ясные глаза и собранный вид. Он посмотрел со стороны на себя: разбитая неуклюжая калоша.

Прихожане подходили ко кресту и медленно расходились. Рома смотрел на них совершенно не так, как в начале службы. Сбравшись с силами, он встал и вяло пошел к выходу. Роман чувствовал себя так, будто разгрузил машину кирпичей.

Выходя из храма, он обратил внимание, что прихожане оборачиваются и крестятся на церковь. Он задумчиво повернулся, как и все, и посмотрел на храм. Золото куполов радостно сверкало на солнце. Рома как-то неловко повел правую руку вверх, но потом одернул себя, как-то смешался, оглянулся, словно его застали за чем-то непристойным, и торопливо пошел к воротам.

На собрания баптистской общины он больше не ходил.

Священник Сергей Бегиян

Вероисповедание? – Христианин!

2 октября 2015 года 26-летний вооруженный стрелок ворвался в здание колледжа в Орегоне (США) и расстрелял студентов. Одна из пострадавших рассказала, что целью молодого человека были христиане: «Он спрашивал каждого, христианин ли он. Всех, кто ответил «да», убил выстрелом в голову, приговаривая: «Что ж, раз вы христиане, через секунду вы увидите Господа». Тем, кто ответил «нет», убийца стрелял в ногу». Убито 13 человек, ранено – 20.

Избирательное убийство в Орегоне еще раз напоминает нам – война адских сил против христианства не умолкает ни на минуту. И не только потому, что диавол *«убийца искони»* (Ин.8:44). Потому еще, что любой, исповедующий Христа, *«не станет вскоре хулить Меня»* (Мк.9:39), а именно это нужно inferнальным силам, чтобы мир превратился в хаос атеизма, в котором даже Имя истинного Бога стало забытым.

Битва ведется с переменным успехом не только потому, что люди непостоянны, что вчерашний безбожник может услышать, наконец, глас Бога в своем сердце и стать ревностным христианином, но и по причине жестокой сатанинской злобы, часто переливающейся через край и показывающей свое истинное лицо.

И мир ужасается этой страшной гримасе ненависти и отрезвляется от дурмана мнимой вседозволенности и лояльной ко всему толерантности. Так, внешне непроизвольно, но вполне промыслительно, вновь евангельское свидетельство *«светит во тьме»* (Ин.1:5).

Епископ Кинешемский и Палехский Иларион сказал в своей проповеди по поводу американской бойни:

«Расстрел молодых ребят в американском колледже. Человек умышленно взял автоматическое оружие и после вопроса к ученикам: «кто из вас христианин?» он убивал тех, кто отвечал утвердительно. Первый из погибших мог еще и не знать, что ожидает его за такое исповедание веры, но уже второй и последующие знали, что их ждет смерть, однако они не отреклись от Христа. Да, погибшие бы-

ли не православными, но всё же христианами, и они перед лицом смерти исповедали свою веру во Христа. Сможем ли мы, когда нам придется ответить на вопрос о вере, поступить точно так же, как поступили эти дети?»

Увы, далеко не каждый из нас готов принять смерть за свои религиозные убеждения. Нам кажется, что земная жизнь – наивысшая ценность, поэтому эта ценность позволяет отречься от своих убеждений ради сохранения жизни. Не все мы столь малодушны, но, увы, многие из нас так воспитаны – ценность земного бытия превыше прочего.

Представим себе ситуацию, когда нас поставили перед выбором: исповедание веры и смерть – отречение и жизнь. Не отречение от веры навсегда, не отречение душой, только словом и перед лицом опасности. Это же так просто, потом можно покаяться в своем грехе! Только вот в чем проблема: а сможем ли мы покаяться? Ведь покаяние подразумевает, что человек готов более не повторять свой грех.

А если мы готовы впоследствии не повторять отречение от веры, тогда зачем его совершать сейчас? Ведь выбор времени не в наших руках, от нас зависит лишь принять си-

туацию и поступить в соответствии с приоритетом наших ценностей.

Впрочем, отречение может быть и не столь явным. Постыдиться исповедать веру в «приличном обществе», не защитить святыню перед вандалами, спиливающими крест, даже просто не защитить слабого перед лицом сильного – чем не отречение от Христа? Или нам надо дожидаться момента, когда от нас явно потребуют отречения от веры, попросят протянуть руку для печати антихристовой, скажут: «Крест или хлеб?», смерть в Боге или жизнь без Него? Так ведь жизни без Бога нет совсем, а земная смерть может наступить и раньше, чем от нас потребуют такое исповедание. Потому как в Боге смерти нет, но есть смерть души, оставшейся без Бога.

Кстати, обратите внимание на то, как Господь «легко» относится к земной нашей смерти и как предостерегает от «*могущих душу убить*» (Мф.10:28). Причина кроется в простом – наши тела всё равно будут возрождены для вечной жизни. Но кто сможет воскресить умершую душу?!

Протоиерей Андрей Ефанов

«В Ветхом Завете необходимо различать вечное и преходящее. И прежде всего мы должны преодолевать его национальную ограниченность. Иначе мы можем не заметить нового в Новом Завете. В самом Новом Завете проведено чёткое различие между историей и пророчеством. Истинная тема Библии – не народы и общества, не небо и земля, а Христос и Его Церковь. Ветхий Завет был прообразом не какого-то случайного народа, а Нового Завета – Вселенской Церкви. Национальная ограда прообразовательной Церкви сокрушена «спасением всех». После Христа возможен только один народ – христиане. Ни один народ не может, ссылаясь на Писание, выдвигать какие-то претензии и требовать привилегий. Национальные различия принадлежат природе и не имеют отношения к благодати» (протоиерей Георгий Флоровский, «Два Завета»).

«Церковь когда-то жила без писанного Евангелия и без оформленной иерархии, но она никогда не оставалась без Евхаристии. Это Таинство с большой буквой, дарующее Церкви в живом опыте ощущение вечного присутствия, вечного повторения того, что составляет саму ее сущность: Христос есть Бог, Он жил на земле, пострадал, умер и воскрес. В этом мистическом опыте присутствует и творение мира, и его падение, и его спасение. В литургии мы приобщаемся самого Источника живой веры, Он есть живое Евангелие» (протопресвитер Александр Шмеман, «Введение в богословие»).

«Проблема Исхода, конечно, в том, что вы можете вывести Израиль из Египта, но гораздо сложнее вывести Египет из Израиля» (епископ Н.Т. Райт).